

Юрий Нестеренко

Грибной сезон

Денису Абсентису

GPS, как водится, подвел. Узкая дорога с растрескавшимся асфальтом, на которую он настойчиво советовал свернуть, сперва превратилась в пыльный грейдер, затем в карабкающуюся на холм грунтовку и в конечном счете, попетляв между какими-то унылого вида зарослями, уперлась в безжизненный пустырь, вдоль противоположной стороны которого тянулось длинное деревянное сооружение без окон под двускатной крышей - не то амбар, не то гараж, не то склад. Стены покрывала изрядно облупившаяся зеленая краска, почти утратившая цвет под слоем пыли и грязи, а на единственной в поле зрения двери висел большой ржавый замок. Еще более ржавые железяки, при жизни, видимо, бывшие частями какой-то сельхозтехники, тут и там торчали прямо из мертвой почвы пустыря, а справа, почти у самой стены непроходимого кустарника, догнивал трактор на спущенных колесах, брошенный здесь, похоже, еще с социалистических времен.

Что бы это ни было, это определенно не походило на замок Шванхоф.

GPS, кстати, был с этим согласен и предлагал продолжить путь до цели, до которой оставалось еще около восьми километров. Проблема была в том, что его стрелка давно уже перестала совпадать с дорогой и там, куда она показывала сейчас, не было ничего, кроме непроходимых зарослей.

Мартин Вулф выругался и вытянул из кармана телефон, уже догадываясь, что он там увидит. Само собой - в лучших традициях плохих ужастиков, сигнал не ловился. Учитывая холмы вокруг и общую глушь пейзажа, это не казалось удивительным.

Мартин ненавидел опаздывать на интервью и выехал, как всегда, с запасом. Кто же знал, что он сначала наткнется на ремонт шоссе и будет вынужден двадцать минут еле плестись по единственной оставленной для проезда полосе, потом пропорет шину на этих проклятых горных дорогах и вот теперь и вовсе заедет черт знает куда! Да еще телефон... Ну что ж, делать нечего - надо разворачиваться и ехать назад до развилки, а потом... Что потом? Даже зная, в каком направлении его цель - куда ехать среди этих холмов, где дорога меняет направление по пять раз на милю?

Меж тем уже смеркалось. До заката еще оставалось время, но из-за низких осенних туч сумерки начались раньше. Через полчаса, пожалуй, в этих горах, где тучи не отражают свет городских огней, будет совсем темно.

Вулф развернулся и покатил назад, от души надеясь, что никакая погребенная здесь железка не пропорет ему еще одну шину. Но нет, кажется, обошлось. Снова зашуршали под колесами и застучали в днище камни грейдера. GPS назойливо советовал "выполнить разворот", и Мартин его выключил. Вот, наконец, и асфальт, а там впереди уже в свете фар виден знак левого поворота... Уже шоссе, так быстро?

Но это оказалось не шоссе. Еще одна дорога со скверным асфальтом, такая узкая, что двум машинам не разъехаться, ответвлялась вбок и скрывалась в лесу. В первый раз, проезжая здесь, он ее не заметил. Вроде бы она вела в нужном направлении, но, конечно, черт ее знает, куда она еще может извернуться... и вообще, не одностороннее ли здесь движение? Знака как будто нет - но если кто-нибудь едет навстречу, им точно не разминуться... Впрочем - с тех пор, как он свернул с шоссе, разве ему попалась хоть одна машина?

Мартин стоял у развилки, держа ногу на тормозе и не зная, на что решиться. Он теряет время... нет, лучше не рисковать и вернуться на шоссе. Может, там хотя бы телефон поймает сигнал. Но, уже трогаясь с места, он заметил еще один знак, почти скрытый колючими ветвями.

Он не отражал света и вообще был не металлический, а деревянный. Стрелка, указывающая на ту самую новую (хотя на самом деле очень старую) дорогу. С той стороны, откуда смотрел Мартин, на ней ничего не было написано, но, когда он медленно проехал мимо и выглянул в окно назад, то различил на растрескавшемся дереве вырезанные готические буквы: "Zámek Schwanhof".

Вулф сдал назад, развернулся и поехал в лес.

Почти сразу же машина окунулась во мрак. Ветви смыкались над дорогой хоть и дырявым, но достаточно плотным пологом, в этот хмурый вечерний час практически не пропускавшим света. Качество асфальта было таким, что Мартин сбросил скорость сперва до тридцати, потом и вовсе до двадцати километров в час. Несколько раз машину сильно встряхивало, когда колеса проваливались в какие-то ямы со стоячей водой - к счастью, неглубокие.

"Не хватало только завязнуть здесь на ночь глядя!" думал Мартин, чувствуя, как все больше нарастает злость - на GPS, на дорогу, на всю эту чертову чешскую глухомань, на самого себя, еще совсем недавно самоуверенно прикидывавшего маршрут по карте Гугла в комфорте отеля, и на этого хренова доктора Франкенштейна, то есть, конечно, Шванхофа, очередного свихнутого фрика, бреднями которого он должен развлечь читателей.

Впрочем, в сгущавшейся тьме на заброшенной лесной дороге, где не было проку ни от мобильного телефона, ни от GPS, ни от лежавшего в сумке на сиденье планшета с его вай-фаем и Гуглом, все это уже не казалось такими уж бреднями. Пусть это не Трансильвания, а Чехия, но все равно - именно из Восточной Европы пошли легенды об упырях и вурдалаках. И откуда-то же эти легенды берутся...

Под колесами снова чавкнуло. Не может быть, чтобы такая дорога вела к замку - по крайней мере, обитаемому! Повернуть назад? Но тут и развернуться-то негде, не ехать же несколько километров задним ходом. И потом, он ясно видел указатель...

Но этот указатель не похож на установленный дорожной службой. Его мог воткнуть кто угодно. Что, если это ловушка? Заманить путника в эту глушь, а дальше... дерево поперек дороги, и... Нет, не вампиры, конечно, но, скажем, грабители. Свидетелей, понятно, в живых не оставляющие. Или еще хуже, как в фильме "Хостел"...

Да нет, чушь. Можно подумать, люди едут в замок Шванхоф потоком. Любой грабитель помрет с голоду в этой чаще, дожидаясь хоть одного. Хотя если, допустим, кто-то предупредил их о визите "богатого американца"...

Впереди показалась фигура, словно соткавшаяся внезапно из лесной тьмы. Вулф заметил ее так неожиданно, что резко нажал на тормоз - и тут же подумал, что вот останавливаться-то ему и не следовало. Пусть отпрыгивает в лес с его пути...

Но в следующие секунды, лучше разглядев фигуру в свете фар, он успокоился. Ни на бандита, ни на упыря она не походила. Какая-то тетка в вязаной кофте и резиновых сапогах. На голове платок, натянутый до самых бровей, в руке - корзинка, накрытая тряпицей. Не иначе, местная крестьянка. По грибы она, что ли, ходила? Так поздно? Тут сейчас уже не то что грибы - деревья-то едва различишь...

Ладно, неважно. Надо спросить у нее дорогу. По-английски она наверняка не говорит, но уж слово "Шванхоф" должна понимать, если тут живет...

Вулф опустил левое стекло. Женщина шла вперед, не обращая на остановившуюся машину никакого внимания. Ее эта встреча в глуши, где некого звать на помощь, явно не пугала. Надо полагать, она не смотрела "Хостел".

- Э... pani... prosím... Шванхоф? - выдал Мартин почти весь свой запас чешских слов.

- Швайнхоф? - переспросила она. Судя по голосу, ей было лет пятьдесят; лица в темноте под платком Вулф так толком и не разглядел. - Там je, - в подтверждение своих слов она махнула рукой в сторону, противоположную курсу машины.

- Но, - растерялся Мартин, переходя на родной язык, - оттуда я только что приехал. Там? - переспросил он по-чешски, показывая рукой вперед.

- Tam, tam Швайнхоф, - повторила крестьянка, недовольная его непонятливостью. - Zpátky.

- Вы можете мне показать? - Мартин указал пальцем сперва на нее, потом на свои глаза, потом сделал приглашающий жест в сторону правого сиденья. - Нам все равно по дороге. Вот, возьмите, - он вытащил из кармана бумажник, а из него - десятидолларовую купюру.

И вот тут крестьянка испуганно шарахнулась от него, отмахиваясь свободной рукой и восклицая явно что-то нелестное, а затем со всей возможной поспешностью зашагала дальше.

"Что она возомнила? - подумал Мартин, криво усмехаясь. - Решила, что я хочу ее снять на ночь? Она давно в последний раз смотрелась в зеркало?"

Так или иначе, похоже, выбора не было - надо было ехать назад. Он все же попробовал развернуться в несколько приемов, но убедился, что неминуемо съедет в канаву либо передними, либо задними колесами. Пришлось все-таки ползти обратно задним ходом, выворачивая шею. Он думал, что даже на такой скорости все-таки догонит крестьянку, но та как сквозь землю провалилась. "Небось, спряталась в лесу, дожидаясь, пока уедет иностранный извращенец", подумал Мартин, потирая затекающую шею.

И тут за задними фонарями что-то метнулось. Вулф вздрогнул, перекидывая ногу с газа на тормоз. Длинный темный силуэт перемахнул через дорогу и скрылся в зарослях слева. Еще несколько мгновений было слышно, как трещат сучья.

Какое-то животное. Олень? Гм... больше было похоже на волка. Этого еще не хватало, особенно если он и впрямь здесь застрянет. Вот не боится же эта тетка со своими грибами...

Мартин повернул голову в другую сторону, переводя взгляд туда, откуда выскочил зверь - и различил в красном свете тормозных огней еще один указатель. Вот, значит, то место, которое он проскочил!

Грунтовка, частично поросшая травой, уводила вверх по склону, и, стало быть, радовала хотя бы тем, что не заведет в болото. Все равно, здесь нужен внедорожник, а не этот "вольво", взятый Мартином напрокат в расчете на езду по нормальному асфальту... Тем не менее, он рискнул и пополз вверх, надеясь, что не оставит глушитель на какой-нибудь коряге.

Но на сей раз судьба была к нему благосклонна. Еще четверть часа - и тропа вывела его к замку.

При слове "замок" Мартину представлялось внушительное фортификационное сооружение с зубчатой крепостной стеной и массивными круглыми башнями. Реальность оказалась скромнее. Стоявший на вершине холма трехэтажный особняк с узкими высокими окнами действительно выглядел старинным и массивным, но никакой крепостной стены вокруг него не было, а четыре островерхих башенки по углам хотя и наличествовали, но выступали из стен лишь на высоте третьего этажа и вид имели скорее декоративный. Впрочем, Мартин едва различал их очертания в темноте, ибо нигде в окнах не было света. Для полноты готического антуража не хватало только клубящегося тумана и зловещего уханья филина в лесу. Вулф испугался на миг, не слишком ли он припозднился, но тут же сообразил, что, хотя он и опоздал почти на полтора часа, еще нет и девяти вечера - слишком рано, чтобы доктор уже лег спать. Вероятно, его кабинет или где он там сейчас выходит окнами на другую сторону здания.

Оставив машину на немощем дворе, Мартин поднялся по ступенькам крыльца. Автоматически вспыхнула лампочка, нарушая готическую стилистику, и, подняв глаза к свету, Вулф увидел глазок видеокамеры. Никакого звонка или кнопки переговорного устройства он, впрочем, не обнаружил.

- Я Мартин Вулф, журналист, - сообщил он по-английски, глядя в камеру. - Прошу прощения за опоздание, но проблемы на дороге возникали одна за другой, словно некая сила хотела воспрепятствовать нашей встрече, - он лучезарно улыбнулся. - Я пытался дозвониться и

предупредить, но тоже безуспешно.

Ответа не последовало - что было неудивительно в отсутствие динамика - но в двери что-то негромко щелкнуло. Мартин потянул ручку на себя - тяжелая дверь отворилась беззвучно - и вошел.

Перед ним была неярко освещенная лестница, которая вела вверх. Не имея представления, куда следует идти, Мартин поднялся на второй этаж и оказался в коридоре. На стенах, отделанных панелями темного дерева, тускло горели электрические светильники, стилизованные под факелы. "Herr Doktor?" окликнул Вулф, но вновь не получил никакого ответа. С сомнением косясь на закрытые двери слева и справа, Мартин двинулся по коридору, который оканчивался открытыми двустворчатыми дверями; за ними мерцал красноватый свет.

Там оказалась просторная и высокая квадратная комната с монументальным камином - на сей раз настоящим, а не электрическим - и книжными шкафами вдоль двух стен, уходившими под потолок. С потолка свисала тяжелая бронзовая люстра "театрального" типа, но сейчас она еле тлела, так что огонь в камине оставался практически единственным источником света. Возле камина стоял низкий столик со столешницей из темного стекла, а по обе стороны от него - массивные мягкие кресла, обитые черной кожей.

Мартин pokrutil головой, вновь безуспешно окликнул хозяина, а затем, чувствуя, как вновь нарастает раздражение, решительно направился к камину и плюхнулся в кресло.

В тот же миг прямо под ним раздался жуткий вопль, и острая боль полоснула его по ягодице. Мартин испуганно вскочил. Большой черный кот, вывернувшись из-за его спины, плюхнулся из кресла на пол, пулей промчался по комнате, но затем остановился возле шкафов и повернулся, глядя на журналиста. Во мраке помещения он казался сгустком абсолютной тьмы, и лишь его глаза, отражавшие пламя, ярко горели.

Мартину вновь стало не по себе. Мелькнула совсем уже дикая мысль, что этот кот - на самом деле и не кот вовсе, а...

- Мистер Вулф?

Мартин повернулся. В дверях, противоположных тем, через которые он вошел, стоял невысокий человек лет шестидесяти пяти, чья всклокоченная седая шевелюра контрастировала со строгостью старомодного костюма-тройки.

- Guten Abend, Herr Doktor, - произнес Мартин заранее выученную фразу профессионально уверенным тоном.

- Говорите по-английски, - махнул рукой хозяин. - Тем более что для меня дойч, по сути - тоже не родной язык. Отец избегал говорить на нем даже дома, и большую часть жизни я провел как Франтишек Галасек... Прошу прощения, если заставил вас ждать. Вы, кажется, сели на моего кота?

- Извините, - сконфуженно пробормотал Мартин.

- Нет, это вы нас с ним извините. Он любит спать в кресле, но вы, конечно, не могли знать, а я не подумал, что надо вас предупредить... Видите ли, мыши. В последнее время совсем нет от них житья. Я перепробовал всю новомодную отраву, но их, похоже, ничто не берет, так что пришлось прибегнуть к традиционному средству... Но Карл, как мне кажется, тоже предпочитает спать в кресле, вместо того, чтобы исполнять свою прямую обязанность. Я надеюсь, он вас не оцарапал? Если так, я могу обработать рану.

- Мм...нет, - ответил Мартин, надеясь, что его брюки продраны не слишком заметно. Не хватало еще снимать перед этим типом штаны, чтобы он мазал йодом его задницу...

- Хорошо... да вы садитесь, - доктор широким жестом указал на то же самое кресло. - Теперь это уже не опасно.

Мартин все же не удержался и покосился назад, прежде чем воспользоваться приглашением. Хозяин дома подошел и опустился в кресло напротив. Кот по-прежнему сверкал глазами откуда-то из угла.

- Карл? - позвал доктор. - Иди сюда. Ну иди сюда, лентяй, - он похлопал себя по ноге.

Кот нехотя приблизился, а затем мягко запрыгнул хозяину на колени и тут же свернулся клубком, прикрывая глаза.

- Надеюсь, я ничего ему не повредил, - пробормотал журналист.

- О, нет, не беспокойтесь, - ответил доктор, почесывая кота за ухом. - Признаюсь, я сам садился на него пару раз, прежде чем привык проверять, и спотыкался об него тоже... У него, как говорят у вас в Америке, девять жизней. Да, Карл? - он наклонился к своему питомцу.

Вулф подумал про себя, что можно было бы или завести кота более светлой масти, или включать побольше света, но вслух лишь снова произнес:

- Прошу прощения за опоздание. Были разные дорожные неприятности, а под конец я еще и заблудился. Еле нашел ваш... замок. Как вы сами сюда добираетесь, я удивляюсь. Зимой, наверное, по этой тропке вообще не проедешь.

- А, так вот почему вы вошли с черного хода! - воскликнул доктор. - Так вы въехали по пешеходной тропинке? Признаюсь, на моей памяти вы первый, кто это проделал! Подъездная дорога к замку к другой стороны. Она идет прямо от шоссе, там есть указатель...

- Очевидно, я до него не доехал. GPS заставил меня свернуть раньше. Так что, доктор, начнем интервью? - Вулф вытащил диктофон.

- Хорошо, - кивнул хозяин.

- Итак, - бодрым поставленным голосом начал Мартин, - скажите, доктор Швайнхоф, как вышло, что вы...

- Шванхоф, - перебил доктор, досадливо дернув щекой. - Не Швайн. Моя фамилия происходит от лебедя, а не от свиньи. Германоязычные не путают эти слова, они совершенно по-разному пишутся, но иностранцы почему-то все время...

- Извините, - вновь смутился Мартин. - Я помню, как это пишется, но, когда я спрашивал дорогу у местной крестьянки, она сказала - Швайнхоф... вот я и подумал, что произношение...

- Ну я же говорю - вечно путают... не думаю даже, что со зла... Хотя, я понимаю, вы считаете, что понятие "иностранцы" не применимо к чехам, ведь это их страна... На самом деле, вопрос об исторической принадлежности этих земель, как минимум, неоднозначен. Но после известных событий, я имею в виду Вторую мировую войну, чехи попросту вышвырнули отсюда всех дойчей. Под раздачу попал и мой двоюродный дед, хотя он был, вообще-то, австрийцем. Мой отец избежал депортации только потому, что взял фамилию своей чешской жены и скрывал свое происхождение до самой своей смерти. Как я уже сказал, о том, что на самом деле я Франц фон Шванхоф, я узнал только после крушения коммунистической власти.

- Все это очень интересно, доктор, но давайте вернемся к теме нашего интервью. Как вышло, что вы, известный ученый, уверовали в существование вампиров? Это как-то связано с вашими семейными легендами, с вашим родовым замком?

- Нет, разумеется. Я же вам говорю - единственная семейная легенда, которую я знал и в которую верил - это то, что я сын чешского пролетария. И этот замок никогда не принадлежал моей семье, он принадлежал двоюродному деду. Его сын, то есть мой двоюродный дядя, всю жизнь мечтал вернуть замок себе. Понятно, что при коммунистах об этом не могло быть и речи, но и потом, когда приняли закон о реституции, он не распространялся на депортированных. Дядя долгие годы судился из-за границы с чешским правительством... и в конце концов все-таки выиграл. Доказал незаконность депортации. И буквально через неделю умер. Ему было уже под девяносто, цель жизни была достигнута, и больше цепляться за жизнь было незачем. Здесь он, кстати, так за всю свою жизнь ни разу и не побывал. Ну а поскольку детей у него не было, замок унаследовал я, доселе даже не знавший ни о существовании замка, ни о существовании дяди... Кстати, я подумываю продать замок. Слишком дорого обходится содержание. Одно только электричество и отопление... Да и не такой уж он и родовой... он построен в конце XIX века под влиянием романтической моды на псевдосредневековье. Сейчас, конечно, он тоже считается

памятником архитектуры, но к настоящему средневековью отношения не имеет.

- Понятно, - разочарованно произнес Мартин, понимая, что побаловать читателей мрачными старинными легендами не получится. - Ну а все-таки, что заставило вас считать, что вампиры на самом деле существуют?

- Строго говоря, у меня все еще нет доказательства их существования, но я считаю его весьма вероятным. Видите ли, есть хороший признак, позволяющий отличить чистый вымысел от историй, имеющих реальную подоплеку. Его вам назовет любой полицейский. Вымышленные истории противоречат друг другу в деталях, причем чем дальше, тем больше. Возьмем, к примеру, религии с их бесконечно дробящимися течениями и сектами. Даже между четырьмя каноническими евангелиями и то хватает разногласий, я уж не говорю о каких-нибудь мормонах... А истории о вампирах, напротив, удивительно цельны и непротиворечивы. Далее, если Библия или Коран демонстрируют полнейшее невежество в отношении всего, чего не могли знать жители Ближнего Востока соответствующей эпохи, но чего, конечно, не мог бы не знать всеведущий бог - например, хотя бы существования Америки - то легенды о вампирах с удивительной точностью описывают одну и ту же клиническую картину, какую едва ли могли придумать невежественные средневековые крестьяне. И даже невежественные средневековые врачи, считавшие, что с эпидемиями можно бороться крестными ходами и колокольным звоном.

- Так вы считаете, что вампиризм - это болезнь? Я читал про эту версию. Порфирия, так?

- Нет, симптомы порфирии в тяжелой форме действительно напоминают некоторые черты, приписываемые вампирам - в частности, больным противопоказан солнечный свет, который буквально разъедает их кожу - но порфирия - это генетическое заболевание. Она абсолютно не контагиозна.

- Не контачто?

- Ею нельзя заразиться. Меж тем все легенды описывают вампиризм именно как инфекционное заболевание, передающееся через укус. С характерным инкубационным периодом и другими клинически правдоподобными деталями. Точнее говоря, легенды описывают два пути стать вампиром. Первый актуален для мертвых и связан с разного рода несправедливой жизнью, колдовством, проклятиями и всем таким прочим; этот разнородный в причинах позволяет, согласно уже упомянутому мною критерию, отбросить как суеверную шелуху все, в чем описания расходятся, и вычленил то, в чем они едины: вампиром - при некоторых, пока не уточненных нами обстоятельствах - становится мертвец, погребенный в земле, причем такой, тело которого находится в хорошей сохранности. Второй путь - для живых: заражение через укус.

- То есть, по-вашему, это какой-то вирус?

- Нет, вирус не способен поразить мертвый организм. Это даже и не бактерия, хотя они ведут очень активную жизнь в мертвых телах...

- Тогда что же? Вроде бы все инфекции вызываются либо вирусами, либо микробами?

- Мистер Вулф, вы знаете, что изучает микология?

- Экология?

- Микология. От греческого "микос". Это наука о грибах. Что вам о них известно?

- Главным образом то, что они бывают съедобные и несъедобные, - усмехнулся Вулф.

- Вот-вот... как, полагаю, и большинству ваших читателей. Человечество вообще очень долго недооценивало грибы... еще каких-нибудь двадцать лет назад их вообще считали растениями...

- А разве они не...

- Нет, разумеется. Грибы - не растения и не животные. Это совершенно отдельное царство. Едва ли не самое удивительное на Земле, - облик доктора преобразился: теперь он не просто говорил - он вещал с вдохновением энтузиаста, наконец дорвавшегося до излюбленной темы. - Знаете ли вы, к примеру, какой живой организм является самым крупным на нашей

планете? И заодно одним из старейших - я имею в виду именно личный возраст.

- Кит? Не знаю, правда, сколько они живут...

- Нет, не кит, и даже не секвойя, хотя по возрасту лидирует именно она. Гриб. *Armillaria ostoyae*, если быть точным.

- Гриб? - недоверчиво переспросил Вулф. - Вы хотите сказать, что где-то на Земле растет гриб размером больше секвойи?

- В вашей родной стране, между прочим. В штате Орегон. Но я понимаю ваше недоумение: вы привыкли считать, что гриб - это ножка и шляпка. На самом деле считать грибом только его плодовое тело - это все равно что считать яблоней отдельное яблоко. Гриб - это единый организм, состоящий из мицелия, или грибницы, а плодовые тела - лишь его органы размножения, высываемые на поверхность. Так вот, площадь грибницы армиллярии, или опенка темного, в национальном парке Малхойр в Орегоне составляет 880 гектаров, а ее возраст - не менее 2400 лет. Все это время она разрастается, не церемонясь с деревьями, чьи корни попадают у нее на пути... Причем, замечу, это лишь самый впечатляющий экземпляр из известных современной науке, да и тот был открыт недавно. Вполне вероятно, что где-нибудь в девственных лесах Амазонии или экваториальной Африки растут и более древние и масштабные грибные монстры. На самом деле сети грибниц пронизывают почву всего мира. В десяти кубических сантиметрах обыкновенного грунта, вот хотя бы такого, как в здешних лесах, содержится восемь километров нитей мицелия. Но это далеко не самое удивительное. Грибы способны решать задачи потрясающего уровня сложности. В 2000 году в Японии...

Внезапно раздался резкий щелчок. Мартин вздрогнул.

- Не обращайтесь внимания, - дернул щекой Шванхоф, - это мышеловка. Я же говорю, совсем обнаглели... А ты, Карл? - он потрепал по холке кота. - Неужели совсем не чувствуешь? Прямо, можно сказать, у тебя под носом... надо все-таки перестать тебя кормить и перевести на полное самоснабжение...

Кот приоткрыл зеленый глаз, посмотрел на хозяина с видом терпеливого взрослого, которого теребит по пустякам капризный ребенок, и снова зажмурился.

- Так о чем я? Ах да, о Японии. Профессор Тосиюки Накагаки сделал копию лабиринта, какой используют для проверки интеллекта грызунов - кстати о мышах, да - и поместил в один из его выходов кусок сахара, а в другой - кусочек грибницы слизевика *Physarum polycephalum*. Мицелий начал расти, но не во все стороны, как это происходит обычно, а в направлении лакомства. Подчеркну - нами до сих пор не найдены у грибов органы чувств, таких, скажем, как обоняние. Тем не менее гриб как-то учуял, где находится источник пищи, и принялся выстраивать к нему дорогу, выращивая новые отростки на каждой развилке и разворачивая назад те из них, что упирались в тупик. В конечном счете - на это ушел день - один из отростков добрался до сахара. Вы скажете - ничего особенного, задача была решена тупым перебором? Но слушайте дальше. От мицелия отрезали кусок и повторили опыт с точной копией исходного лабиринта. На сей раз гриб вырастил только две нити. Первая прошла по лабиринту до сахара кратчайшим путем. А вторая... вторая вообще не стала заморачиваться с петлянием по лабиринту, а проделала свой путь к пище по прямой, взбираясь по стенкам. Дальше - больше. Тосиюки взял карту Японии, поместил еду в точки, соответствующие крупным городам, а гриб - на место Токио. Сутки спустя грибница выстроила сеть, практически точно повторяющую сеть железных дорог Японии. То есть соединила все точки оптимальным образом, даже еще и проделала это намного быстрее, чем группы инженеров-проектировщиков... Опыт был успешно повторен на картах Англии и Испании, причем в некоторых случаях грибы сработали даже лучше, чем человеческие инженеры. Сейчас японцы пытаются с помощью грибов проектировать топологию сложных компьютерных сетей... А химические достижения грибов? Они заставляют бледнеть от зависти сотрудников лучших лабораторий мира. Например в Чернобыле были найдены целых три вида грибов - *Cladosporium sphaerospermum*, *Cryptococcus neoformans* и

Wangiella dermatitidis - которые не просто живут прямо в разрушенном энергоблоке, где уровень радиации смертелен для всего живого, но и питаются этой самой радиацией, а заодно и очищают воздух от продуктов радиоактивного распада. Обратите внимание - у этих грибов не было в запасе миллионов лет эволюции, на которые часто ссылаются, говоря о чудесах приспособляемости в живой природе. Всего какие-то двадцать с небольшим лет... за которые человеческая наука добилась куда менее успешных результатов в борьбе с радиоактивным заражением. Или возьмем новый подвид *Pestalotiopsis microspora*, научившийся разлагать пластик. Он просто съел без остатка чашку Петри, в которой его выращивали, - довольно рассмеялся доктор. - Опять-таки, никаких миллионов лет на пробы, и опять-таки, для всей нашей передовой цивилизации борьба с пластиковым мусором все еще остается нерешенной проблемой. Но, - Шванхоф сделал паузу, - грибы способны не только решать задачи, поставленные перед ними другими. Они сами способны ставить задачи перед, казалось бы, более высокоразвитыми существами. Ставить и добиваться их выполнения... весьма жесткими методами.

- Вы имеете в виду галлюциногенные грибы? - с готовностью подхватил Мартин. В колледже у него был кое-какой опыт на эту тему.

- Нет, хотя это отдельная интересная тема. Действительно, существует теория, что вампиры, как и прочая нечисть - это результат массовых галлюцинаций, вызванных, в частности, алкалоидами спорыньи - грибка, паразитирующего на ржи и других злаках... но, как мне представляется, на самом деле все куда более интересно... и зловеще. Вы когда-нибудь слышали о грибах рода *Cordyceps*?

- Н-нет, не доводилось.

- Близкие родственники той самой спорыньи, кстати. Но работают по-другому. В лучших традициях фильмов типа "Чужой". Их еще называют зомби-грибами. Гриб *Cordyceps unilateralis* паразитирует на муравьях. Попадая в виде спор в организм насекомого, он захватывает контроль над его мозгом, заставляя несчастного муравья покинуть гнездо, отыскать на северной стороне дерева листок на строго определенной высоте, причем такой, чтобы температура там была в пределах от двадцати до тридцати по Цельсию, а влажность - 92-94%, намертво вцепиться челюстями в центральную жилку этого листа - и умереть. После чего гриб начинает расти внутри муравья, поглощая внутренние ткани насекомого и превращая их в собственную плоть. Причем мышцы челюстей он благоразумно не трогает, чтобы не упасть на землю, а хрупкие части экзоскелета укрепляет. Через неделю из затылка муравья появляется отросток с красным шариком на конце - новое плодовое тело, готовое одарить спорами новые жертвы... Есть также виды, паразитирующие на мухах, пауках, бабочках, вшах. Все они полностью захватывают контроль над поведением своего "хозяина", хотя сами, как вы понимаете, лишены мозга...

- Каким же образом?...

- Никто не знает, - доктор с улыбкой развел руками. - То есть технически, конечно, ответ состоит в том, что паразит воздействует на мозг хозяина определенными химическими веществами. Но как гриб узнает, какие именно вещества нужны в какой момент, как он контролирует столь сложный процесс? Возможно, он управляет насекомым не так, как водитель машиной, а так, как пассажир водителем: просто называет, куда хочет попасть, предоставляя таксисту самому решать, как это сделать. То есть, к примеру, чтобы погнать кого-то в холодное и влажное место, достаточно создать у него ощущение, что ему жарко и хочется пить. Но мне представляется, что контроль здесь все же более тонкий и сложный.

- То есть вы хотите сказать, - Мартин недоверчиво усмехнулся, - что грибы обладают, ну, чем-то вроде разума?

- То-то и оно, что нет. Очевидно, что грибы обладают памятью - как доказали опыты Тосиюки - и что грибница представляет собой сеть, способную передавать не только питательные вещества, но и информацию, в химическом, разумеется, виде. При этом сложность

крупного мицелия сопоставима со сложностью нейронных сетей. Но в то же время у грибов нет разума в человеческом понимании. Нет личности, осознающей себя. На самом деле для решения интеллектуальных задач, даже весьма сложных, она вовсе не обязательна. Компьютеры, к примеру, сознанием тоже не обладают, хотя решают задачи, которые человеческому мозгу не под силу, и успешно управляют действиями людей. Взять хотя бы экспертные системы, анализирующие фондовый рынок...

- Компьютеры работают по программам, написанным людьми, - не согласился Вулф.

- Не обязательно. Вы слышали о компьютерных нейросетях или, скажем, о генетических алгоритмах? Их никто не программирует. Задается только целевой критерий, а дальше физическая или, чаще, логическая структура меняется самопроизвольно, отсеивая неудачные варианты, пока не будет достигнуто наилучшее соответствие этому критерию. После того, как оно достигнуто, никто уже не знает, как именно работает получившаяся система. Даже она сама, поскольку, повторяю, не осознает себя... Вот что-то в том же духе и с грибами.

Самопрограммирующийся химический компьютер, если угодно. Причем лишенный центрального процессора. Информацию равноправно обрабатывает вся сеть. Что, кстати, делает ее практически неуязвимой.

- Интересно, - заметил Мартин, - мы начали разговор с вампиров, а пришли к компьютерам.

- Сейчас вернемся к вампирам, - пообещал доктор. - Дело в том, что грибы - это еще и, так сказать, владыки царства мертвых. Именно им принадлежит ключевая роль в переработке останков, попадающих в почву. Одни лишь бактерии без них бы не справились. Это, кстати, тоже сравнительно недавнее открытие. Серьезное изучение грибов вообще началось лишь в XX веке, и мы до сих пор знаем о них чрезвычайно мало. Современной науке известны примерно 160 тысяч видов грибов, но я могу дать вам абсолютную гарантию, что это не все. Наверняка существует немало видов, о которых мы пока даже не подозреваем... Так вот. Как мы уже видели на примере кордицепса, грибы могут использовать другие организмы и как пищу, и как дом, и как транспортное средство. А биологической целью гриба, как и прочих живых существ, является максимальное распространение своего генотипа, и в этом плане воспользоваться движущимся объектом выгоднее, чем растить грибницу по сантиметру в час... Улавливаете, к чему я клоню?

- Предпочитаю, чтобы вы это озвучили.

- Допустим, мицелий некоего вида, проникнув в свежую могилу, сумел заставить двигаться труп. Мышцы способны сокращаться и после смерти, вспомните классический опыт с лягушачьими лапками... Сначала это были хаотичные подергивания, потом... Представим себе мицелий площадью в несколько гектаров, большое количество свежих мертвецов без гробов на этой площади - скажем, во время войны или эпидемии - и вспомним о способности грибов учиться и находить оптимальные решения. Вероятно, таким решением оказалось сращивание мицелия и нервной системы трупа, с постепенной заменой второй первым... а затем, возможно, и других тканей, в ходе переваривания которых выделяется энергия, расходуемая на работу мышц. Как и в случае муравья, мышцы - в данном случае не только челюстные - остаются нетронутыми.

- А откуда берутся клыки?

- Вот клыки, я полагаю, художественный домысел. Едва ли мицелий в состоянии их нарастить. Разве что то же соображение, что и при порфирии - мертвые ткани десен усыхают, что создает впечатление вылезших клыков. Зато с другими чертами все понятно. Солнце вредно для трупа, оно ускоряет разложение, да и грибы обычно предпочитают прохладные и темные места. Ионы серебра и в особенности фитонциды чеснока обладают антисептическими свойствами и, в частности, губительны для некоторых грибов...

- А осина?

- Осина заслужила свою репутацию лишь благодаря легенде об Иуде. На самом деле кол из любого материала, вбитый в сердце, разрушает последнее, не так ли? Видимо, оно нужно даже для функционирования трупа. Или самого гриба, которому перекачка жидкостей по сосудам позволяет эффективней осваивать мертвые ткани.

- Ну а зачем этот ваш труп пьет кровь?

- Возможно, кровь с растворенными в ней питательными веществами тоже нужна для поддержания функционирования тела, у которого уже не действуют собственные внутренние органы. Но может быть и так, что самая главная черта, приписываемая вампирам, как раз ошибочна. То есть кровь они не пьют - она лишь вытекает в месте укуса.

- А укус нужен для того...

- Чтобы передать споры гриба, разумеется. Далее начинается вторая стадия размножения - не в мертвом, а в живом теле. И вот здесь перед грибом открываются уже куда более широкие возможности. Он может использовать в своих целях работающий мозг! Причем куда более сложный, чем муравьиный.

- Но конец все равно один? Прорастание шляпки через затылок? Что-то я в легендах о вампирах такого не встречал.

- Нет, нет. Для того, чтобы успешно размножиться, грибу нет необходимости занимать все тело. Он может сделать это частично, так, чтобы не мешать функционированию остального. Пример - обычные грибковые заболевания, хотя мы говорим о проникновении более масштабном. Видите ли, паразит не заинтересован в смерти хозяина. Напротив - умный, условно говоря, паразит заинтересован в том, чтобы хозяин жил - или хотя бы функционировал - как можно дольше. На стадии трупа грибу просто необходимо предотвращать разложение, иначе труп утратит способность двигаться быстрее, чем мицелий успеет достаточно разрастись внутри. Не сомневаюсь, что если грибы нашли способ поглощать радиацию и переваривать пластик, то они научились и синтезировать идеальный консервант. Вероятно, лучший, чем все, что используют ныне в похоронном деле... а то и в пищевой промышленности. Но в вампирах второго типа, то есть живых... вы представляете себе, какую выгоду получают грибы от такого симбиоза? Да, я настаиваю, что это уже не паразитизм, а симбиоз... это не только руки, ноги, глаза и уши, не только мозги, которые можно поставить на службу своим задачам - это еще и возможность коммуникации между мицелиями. В перспективе - объединение их в единую планетарную метасеть...

- Что же, по-вашему, - усмехнулся Мартин, - грибы используют людей, чтобы слать друг другу e-мэйлы?

- Полагаю, что первичны для них все же химические способы. Они влияют на синтез феромонов и таким образом общаются напрямую. Ну а технологические средства связи - это уже вторично. Это уже требует задействовать мозг вампиров, возможно, и без ведома последних.... Вам никогда не доводилось получать бессмысленных сообщений по электронной почте? Обычно их считают спамом, но спам должен что-то рекламировать, заманивать на какие-то сайты. А тут - просто бессвязный набор слов.

- Да, - припомнил Вулф, - доводилось.

- Или бессмысленные надписи на стенах... особенно в вагонах метро. Думаю, подземка должна быть любимым местом вампиров, ведь туда круглые сутки не проникает свет солнца... хотя для вампиров второго типа, то есть живых, это, вероятно, менее критично.

- И что дальше? Вампиры захватят мир? - Мартин постарался произнести это без улыбки.

- Ну, не вампиры, а грибы, если быть точным. Вампиры - всего лишь носители. Но, в общем, да, они уже это делают. Причем мягко и грамотно, постепенно переформатируя общественное сознание, чтобы исключить противодействие... Вы обратили внимание, как меняется классический образ вампира? В ранних средневековых легендах он совершенно отталкивающий. Это исключительно вампир первого типа. Мертвяк, вылезающий из могилы,

чтобы сосать кровь живых. Никакой, конечно, не граф и вообще не аристократ - еще бы, ведь их хоронили в каменных склепах и крепких дорогих гробах, куда мицелию не добраться. Нет, первые вампиры - это исключительно трупы крестьян, нападающие на своих односельчан - ну а на кого еще, кто там живет рядом с погостом? Затем начинается романтизация образа. Брэм Стокер со своим Дракулой - совершенно, кстати, не похожим на исторический прототип - и множество тому подобных авторов. Вампир превращается в красавца-аристократа, грозу юных прелестниц. Но в этот период - XIX-XX век - вампир пусть и романтический, но все-таки враг. Положительный герой все же должен его победить и уничтожить. Но уже в наше время формируется новый образ - вампира как положительного героя. Вампиры становятся модными, им сочувствуют, им хотят подражать....

- Так вы считаете, что авторы всех этих "Сумерек" и "Впусти меня" на самом деле сами...

- Признаюсь, мне очень хочется это проверить. Ах, - широко улыбнулся доктор, - представляю, как бы вам хотелось сделать интервью со мной в тюремной камере: "Безумный ученый убивает знаменитого автора романов о вампирах, чтобы доказать, что тот сам вампир!" Но нет, я не собираюсь проделывать подобное - и, кстати, я не думаю, что обнаружить мицелий можно только при вскрытии, а не более щадящими методами... Но главное - отрицательный результат ничего не докажет. Авторы могут быть и вполне обычными людьми. Собственно, с точки зрения интересов грибной сети это даже лучше - ведь к ним приковано внимание... Просто они улавливают конъюнктуру рынка. А вот кто и как формирует эту конъюнктуру - другой вопрос...

- И вы хотите с этим бороться? Стать современным ван Хелсингом?

- Нет, - просто ответил Шванхоф.

- Нет? - недоуменно переспросил Вулф. - Почему?

- Я же вам сказал - это симбиоз. Гриб заинтересован в том, чтобы носитель функционировал как можно дольше. Для трупов он научился вырабатывать консервант, а для живых... для живых он, видимо, синтезирует некие препараты, предотвращающие старение. Сам мицелий может жить тысячи лет, припоминаете? Легенды не врут и здесь.

- И вы хотели бы такого бессмертия?

- Ну, если учесть альтернативу... Мне, знаете ли, уже шестьдесят семь... И потом, я не думаю, что контроль гриба над мозгом является обязательным условием. Если мы изучим комплекс продуцируемых грибом реагентов и механизм взаимодействия с организмом хозяина, то, вероятно, сможем заставить мицелий продлевать жизнь, не расплачиваясь за это свободой воли... - доктор замолчал, пристально глядя на журналиста.

- Как я понимаю, - прервал затянувшуюся паузу Вулф и улыбнулся, - в этом месте по законам жанра один из нас должен оказаться вампиром. Вынужден вас разочаровать - это не я.

- Жаль, - серьезно произнес Шванхоф. - Признаться, я надеялся на это. Что лучший способ отыскать хоть кого-то из них - самому привлечь их внимание. Возможно, создать впечатление, что я им опасен своими разоблачениями, а потом предложить сотрудничество. Когда я получил вашу просьбу об интервью, то подумал, что путешествие из Америки сюда и обратно - слишком дорогое удовольствие, чтобы пускаться на это ради одной лишь статьи в журнале... но... как видно, я ошибся, - закончил он с сожалением.

- Мы можем позволить себе такие расходы, - кивнул Мартин. - Снобы ругают нас за желтизну, но читатели любят - а соответственно, и рекламодатели тоже. Публика, готовая поверить во всевозможные чудеса - самая лакомая для них аудитория, вы понимаете, - он вновь улыбнулся.

- Но вы мне не поверили, - констатировал доктор.

- Можете не сомневаться - для читателей я представлю вашу теорию в наилучшем виде.

Но тот, кто продает хомуты, не обязан сам быть лошастью, верно? Это любимая поговорка нашего главреда. Вы же сами говорите - прямых доказательств у вас нет...

- Пока нет, - Шванхоф подчеркнул первое слово.

- Что ж, спасибо за интервью и удачи вам в вашей охоте на вампиров, - Мартин поднялся из кресла.

- Я провожу вас, - доктор тоже встал, аккуратно спустив кота на пол, - покажу, как лучше выехать отсюда...

Спустя две минуты после того, как люди ушли, по полу покинутой комнаты зацокали крохотные коготки. Этот звук был почти неразличим за потрескиванием поленьев в камине, но кот, лежавший на полу, приподнял голову. Его черные ноздри шевельнулись, втягивая воздух, и шерсть на загривке поднялась дыбом. А затем он каким-то механическим движением запрыгнул на кресло и застыл неподвижно, пяля в полумрак широко открытые, как у чучела, глаза.

По тому месту, где он только что лежал, двигались мыши. Их было шестнадцать, они шли двумя ровными колоннами по восемь. Они пересекли пятно колеблющегося света на полу и снова скрылись во мраке. Некоторое время из того угла, где не так давно сработала мышеловка, слышалась какая-то возня. Затем мыши прошествовали обратно. Они по-прежнему шли двумя рядами, как солдаты в строю, но теперь их было семнадцать.

Мартин стоял на платформе синей линии подземки возле места остановки первого вагона. По Нью-Йорку он предпочитал перемещаться этим способом. Стоять на светофорах через каждую сотню ярдов - спасибо, нет. К тому же, когда ты пассажир, а не водитель, время в поездке можно потратить с большей пользой. Скажем - просмотреть черновик статьи, который он набросал еще в чешской гостинице.

Вот только сперва надо все же дождаться поезда. Стоять на платформе с планшетом в руке - не лучшая идея, даже когда на станции больше никого нет. Предыдущий поезд, как видно, только что ушел, и это, конечно, досадно: в это время суток - а Вулф прилетел поздно вечером - интервалы между поездами особенно большие. Вдобавок на станции было слишком жарко, и Мартин с нетерпением представлял, как усядется в прохладе кондиционированного вагона.

Несколько минут он с надеждой смотрел в черный зев туннеля, откуда должен был показаться состав, затем, так и не дождавшись, перевел взгляд вниз. Между рельсами блестела лужа, в которой плавал какой-то фантик. Затем мимо нее деловито пробежала крыса.

Вот кого никогда не изведут, подумал Мартин. Даже наверху, а уж под землей тем более. Здесь скорее они хозяева, а мы - гости. Вспомнились чьи-то подсчеты, что крыс и мышей в Нью-Йорке больше, чем людей. Как, видимо, и в любом городе. Как и по всей планете...

Где же этот чертов поезд? Мартин устал стоять на одном месте, а сесть было некуда. Разве что на мягкую сумку, стоявшую у его ног (он всегда брал в командировки лишь самый минимум багажа). К тому же, как здесь все-таки жарко! Совсем они обалдели, что ли - так топить? Он расстегнул куртку, но это не помогло. Пот противно тек по его телу. Он принялся расстегивать рубашку.

Поезда все не было. Кажется, пешком и то можно дойти быстрее! Он снова посмотрел в туннель, но на сей раз не назад, а вперед. Туда, куда ему было надо. Темнота призывно манила прохладой. Если пройти вдоль рельсов несколько остановок, там... будет пересадка на другую линию... по которой поезда ходят чаще. Конечно, так... не положено, но... его ж никто не видит... он ни разу в жизни не бывал в туннелях... можно будет потом... отдельный... репортаж...

Он машинальным движением забросил сумку на плечо, затем сделал шаг к краю платформы. Еще немного постоял, пытаясь вспомнить или сообразить что-то важное. Но жара и скука ожидания были невыносимы, и он спрыгнул вниз.

Тело Мартина Вулфа, пропавшего без вести вскоре после прохождения паспортного контроля в аэропорту Кеннеди, было обнаружено в заброшенном туннеле подземки лишь пять недель спустя. Опознать его удалось лишь по пластиковым карточкам в бумажнике, ибо мыши и

крысы объели труп практически до костей. Причина смерти в результате так и не была установлена - равно как и причина, приведшая преуспевающего журналиста в подобное место. Среди вещей покойного также не были найдены ни диктофон, ни планшет, ни какие-либо записи, относящиеся к его поездке в Европу. Следствие предположило, что их забрал какой-нибудь бомж.

2013